

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-18-32

Внешние связи Японии с Китаем и Кореей в эпоху Муромати

Е.Б. Сахарова

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные этапы и особенности японо-корейских и японо-китайских отношений в эпоху Муромати. С точки зрения международных отношений, это чрезвычайно важный период – шесть столетий спустя Япония вновь начинает поддерживать официальные контакты с соседними странами (отношения с корейским государством Силла были прерваны в 779 г., последнее японское посольство в Танский Китай было отправлено в 838 г.), а в Восточной Азии в целом наблюдается взрывной рост международной торговли. На раннем этапе периода Муромати Япония поддерживала контакты лишь с Рюкю. Несмотря на искреннее желание сёгунов Асикага восстановить добрососедские отношения на официальном уровне, официальные связи с Китаем (империя Мин) и Кореей (государство Чосон) были восстановлены лишь в начале XV в. В статье разбираются основные причины того, почему процесс восстановления возобновления дипломатических отношений оказался столь долгим и сложным. При этом следует иметь в виду – система международных отношений на Дальнем Востоке была устроена таким образом, что только после восстановления официальных контактов возможно было восстановление и официально признанной торговли. Японо-китайские и японо-корейские отношения имели как черты сходства, так и свою специфику. Случались и драматичные повороты: разрывы отношений с Китаем при сёгуне Ёсимоти и даже военное вторжение корейского флота на о. Цусима в 1419 г. В отечественной историографии эта тематика почти не разработана, в связи с чем на данном этапе представляется важным охарактеризовать ключевые события и особенности взаимодействия Японии эпохи Муромати с внешним миром на примере ее тогдашних главных партнеров – Китая и Кореи. Ведь целый ряд особенностей взаимодействия Японии с внешним миром в период Токугава уходят корнями в эпоху Муромати и/или наследуют общие для Восточной Азии культурные модели.

Ключевые слова: средневековая Япония, международные отношения, период Муромати, японо-китайские отношения, японо-корейские отношения, международная торговля.

Автор: Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: 106066 г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3, каб. Л-212). E-mail: esakharova@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Сахарова Е.Б. Внешние связи Японии с Китаем и Кореей в эпоху Муромати // Японские исследования. 2023. № 4. С. 18–32. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-18-32

Japan's relations with China and Korea in the Muromachi era

E.B. Sakharova

Abstract. The article describes the main stages and characteristics of Japanese-Korean and Japanese-Chinese relations in the Muromachi era (1333–1573). From an international relations perspective, it is an extremely important period – after six centuries, formal relations with China (Ming) and Korea (Choson) were reestablished (relations with the Korean state of Silla were interrupted in 779; the last Japanese embassy to Tang China was sent in 838), and East Asia in general experienced an explosive growth of international trade. In the early Muromachi period, Japan maintained overseas relations only with Ryukyu. Despite the sincere desire of the Ashikaga shoguns to reestablish formal relations with China (Ming) and Korea (Choson), it happened only at the beginning of the 15th century. The article deals with the main reasons why the restoration process turned out to be so long and complicated. Japan-Ming and Japan-Choson relations had both similarities and their own characteristics. There were also dramatic turns in both Japanese-Chinese and Japanese-Korean relations: breaking of diplomatic relations with Ming China under Shogun Ashikaga Yoshimochi, and even a military invasion of the Tsushima Island by Korean fleet in 1419. In Russian historiography, this topic is almost not developed, and therefore, at this stage, it seems important to characterize the key events and features of the Japanese interaction with the outside world using the example of its main partners, China and Korea. Meanwhile, a number of features of Japan's interaction with the outside world during the Tokugawa period are rooted in the Muromachi period or inherit common East Asian cultural patterns.

Keywords: medieval Japan, Muromachi period, Japanese-Korean relations, Japanese-Chinese relations, international relations, foreign trade.

Author: *Sakharova Evgeniya B.*, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics (address: Russia, 106066 Moscow, Staraya Basmannaya St., 21/4, Str. 3, L-212). E-mail: esakharova@hse.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Acknowledgements. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Sakharova, E.B. (2023). Vneshnie svyazi Yaponii s Kitaem i Koreei v epokhu Muromati [Japan's relations with China and Korea in the Muromachi era]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 18–32. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-18-32

Введение

Во второй половине XIV в. в Восточной Азии происходят важные политические перемены – восстановление китайской династии (Мин), свергнувшей династию монголов, династийная смена в Корее (на смену государству Корё приходит государство Чосон), в Японии сёгунат Асикага сменил Камакурский сёгунат. В это же время фиксируется прибытие в Японию кораблей из Рюкю, контакты с которым – и официальные, и торговые – становятся еще интенсивнее после объединения трех рюкюских княжеств в единое государство в 1423 г. Начинается расцвет морской торговли в Восточной Азии. С XV в. международные контакты становятся еще более интенсивными, при этом важной особенностью была встроенность торговли в систему официальных дипломатических связей – государства этого региона с большим или меньшим успехом стремились монополизировать международную торговлю. В начале XV в. Япония длительного перерыва (в случае с Китаем почти 600 лет спустя,

с Кореей – более 600 лет спустя) восстанавливает официальные связи с Китаем и Кореей.

Ниже предпринята попытка рассмотреть основные этапы и особенности внешних связей Японии с Китаем (Мин) и Кореей (государства Корё и Чосон).

Японо-китайские официальные отношения

Прерванные в 838 г. официальные японо-китайские контакты были восстановлены лишь в начале XV в. Однако этому восстановлению предшествовала долгая история безуспешных попыток установления официальных связей.

Американский исследователь Ван Итун в своей и по сей день не устаревшей работе выделяет три этапа в японо-китайских отношениях эпохи Муромати. Первый (1369–1403 гг.) включает время от многочисленных, но безуспешных попыток сторон восстановить официальные контакты до установления таковых при сёгуне Асикага Ёсимицу (сёгун в 1368–1394 гг., фактически у власти до 1408 г.). Второй период (1404–1419 гг.): интенсивные официальные контакты и начало лицензионной торговли с Мин с 1404 по 1411 г. при сёгунах Ёсимицу и Ёсимоти (сёгун в 1394–1423 гг., фактически возглавлял страну с 1425 по 1428 г.), а затем разрыв отношений с Минским Китаем при Ёсимоти в 1411–1419 гг. Третий период (1432–1549 гг.): восстановление японо-китайских официальных отношений, лицензионная торговля [Wang 1953]. Ниже японо-китайские отношения рассматриваются в рамках этой периодизации.

Первый период, 1369–1403¹

Первые попытки восстановления отношений относятся к 1368 г. Инициатива исходила от Минского Китая. В первый же год воцарения династии Мин в 1368 г. Тай-цзу (прав. 1368–1398 гг.) отправил послов в соседние страны – Аннам, Чампу, Корё и Японию. Основатель новой династии стремился к легитимизации и установлению традиционного китаецентричного порядка. Китайский церемониал подразумевал преподнесение дани (т.е. правитель варварской страны должен быть признан себя вассалом Китая), наличие официального послания в адрес императора, а также соблюдение подробно разработанного протокола обязательных церемоний: аудиенция у императора, поднесение официального послания и дани, проведение церемонии вручения императорского рескрипта о назначении «ваном» (проводилась в стране, признавшей себя вассалом Китая) и вручения символов признания сюзеренитета Китая (календарь, печать, церемониальные китайские одежды). В случае с Японией была и еще одна важная задача – решение проблемы пиратских набегов (так называемые японские пираты, яп. «вако») на прибрежные провинции южного Китая. До Японии посольство, однако, не добралось и пропало без вести. Поэтому в 1369 г. было отправлено еще одно посольство, благополучно добравшееся до берегов о. Кюсю.

Но политическая ситуация в Японии была нестабильной – на о. Кюсю (как и на всей территории страны) велись военные действия между силами Южного и Северного дворов (период Намбокутё, 1336–1392). На момент прибытия минских послов главной силой на Кюсю был представитель Южного двора принц Канэёси (?–1383, занимал должность «великого главнокомандующего, усмирителя Запада», яп. «сэйсэй тайсёгун»), который принять послов отказался и даже казнил пятерых членов миссии (остальные были отпущены). Но

---

¹ Период 1369–1419 гг. здесь охарактеризован по возможности кратко. Более подробно см.: [Сахарова 2020].

с прибывшими в 1370 г. минскими послами он был уже гораздо любезнее – видимо потому, что военно-политическая ситуация на Кюсю теперь складывалась не в его пользу. Наконец, в 1371 г. в Мин прибывает первое японское посольство – от принца Канэеси, т.е. от Южного двора; китайские источники также фиксируют прибытие послов от Канэеси в 1376, 1379, 1380, 1381 гг. (последние два не были приняты). Первое посольство от Муромати-бакуфу – от сёгуна Ёсимицу – прибыло в Мин в 1374 г., следующее – в 1380, однако оба посольства не были приняты. Еще для одного японского посольства – 1386 г. – отправитель не установлен, т.е. неизвестно, было ли оно от Южного двора или от Муромати-бакуфу.

Известно, что прибывшие в 1372 г. с возвращавшимися на родину послами Канэеси двое китайских послов-монахов (они везли императорский эдикт о назначении принца ваном) оказались в захваченном силами Северного двора порту Хаката. Так бакуфу столкнулось с неприятным фактом международного признания принца Канэеси. В 1381 г. Тай-цзу распорядился составить уже два послания – в адрес Южного и Северного дворов, дабы вручить то или иное послание в зависимости от текущей политической ситуации.

Помимо политической раздробленности, одним из факторов, мешавшим восстановлению отношений, было нежелание и Южного, и Северного дворов соблюдать принятый в Мин церемониал. Хотя Канэеси в послании, привезенном японскими послами в 1371 г., именовал себя «подданным» китайского императора, его представители не всегда вели себя в соответствии с принятым в Мин четко разработанным церемониалом, в связи с чем посольства 1380 и 1381 гг. не были приняты². По той же причине – несоблюдение китайского церемониала – не были приняты и посольства от сёгуна Ёсимицу 1374 и 1380 гг.

Между тем соседние страны, как правило, соблюдали китайские установления, прекрасно отдавая себе отчет в том, что вассалитет был чисто номинальным, фактически же ни о какой утрате независимости и самостоятельности речи не шло. Желанная же для многих стран торговля с Китаем, сулившая немалые выгоды, в эпоху Мин в связи с жестким контролем внешних связей, фактически монополизированных государством, официально была возможна лишь в рамках даннической системы и признания сюзеренитета Мин.

Японские государи, однако, уже в древности (эпохи Нара и Хэйан) не получали титула «ван», такие пожалования фиксируются только в китайских источниках («Сун шу») и для более раннего времени (Vв.), а в первых японских летописно-мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон сёки» такие пожалования не зафиксированы, а титул ван в отношении японских правителей не применяется.

Лишь после объединения Северного и Южного дворов (1392 г.) в 1401–1403 гг. прерванные в IX в. официальные отношения с Китаем были восстановлены. В 1401 г. Ёсимицу отправляет послов в Мин. Неудачный опыт был учтен – на этот раз послы привезли официальное послание от сёгуна Ёсимицу в адрес императора Хуэй-ди (прав. 1398–1402). Посольство было принято, сёгуну Ёсимицу был отправлен императорский рескрипт о назначении его ваном. В 1402 г. в загородной резиденции Ёсимицу, расположенной севернее Киото (усадыба Китаёма), была проведена церемония вручения рескрипта и даров китайского императора. В ответном письме в адрес минского императора, привезенном японскими послами в Мин в 1403 г., Ёсимицу называет себя «ван Японии и ваш подданный».

Для Ёсимицу установление официальных контактов с Мин имело огромное значение в качестве средства легитимизации сёгуната Асикага и внутри страны, и в Дальневосточном регионе в целом. Кроме того, это давало возможность вести желанную и выгодную торговлю с Мин. Ёсимицу также известен как страстный поклонник китайской культуры.

² В японской историографии есть мнение, что посольство 1371 г. от принца Канэеси и вовсе могло быть поддельным, и именно поэтому в послании от Канэеси последний называет себя подданным китайского императора [Murai 1991, с. 286; Tanaka 1996, с. 45; Ma 2017, p.35–36].

Второй период, 1404–1419

За долгожданным восстановлением японо-китайских официальных отношений последовал период лицензионной торговли: японские посольства с лицензией прибывали в Мин в 1404, 1405, 1407, 1408, 1410 гг.; японцам было предписано прибывать в порт Нинбо.

Минские лицензии (勘合, яп. канго:) не сохранились ни в Японии, ни в Китае, но в японском источнике «Бо:си ню:минки» («Записи о посещении Мин в год цути-но энэ», XVI в., составитель монах Сакугэн Сю:рё:, 1501–1579 гг.) есть их подробное описание со слов плававшего в 1468 г. в Мин в качестве главного посла дзэнского монаха Тэньё Сэйкэй (?–?).

Канго: представляли собой прямоугольную бумажную полоску (82 на 36 см.), на которой китайские чиновники делали запись, затем она делилась на две части – по прибытии послов обе части сличались. Канго: заворачивали в ткань фиксированного размера и помещали в лаковую коробку [Такака 1997, р. 92–100]. Лицензии выдавали обычно в количестве 100 штук, со сменой императора старые лицензии подлежали возврату, а взамен выдавались новые.

После смерти Ёсимицу в 1408 г. при его сыне и преемнике сёгуне Ёсимоти посольства в Мин отправлялись дважды: в 1408 г. (посольство извещало о смерти Ёсимицу) и в 1410 г. В китайских источниках («Мин ши лу») сохранилось ответное послание Ёсимоти, в котором он благодарит императора за пожалование посмертного имени своему отцу и титула вана ему самому (в японских источниках это письмо не сохранилось), то есть, сёгун признал себя вассалом Мин.

Но в дальнейшем в период с 1411 по 1419 г. Ёсимоти разрывает контакты с Китаем. Он отказывается не только отправлять посольства в Мин, но и принимать минских послов. Столь резкий поворот связан, в частности, с тем, что ставший сёгуном в 1394 г. в возрасте девяти лет Ёсимоти лишь номинально занимал эту должность, фактически же власть была сосредоточена в руках принявшего монашество Ёсимицу до самой его смерти. Поэтому Ёсимоти потребовалось время, чтобы взять нити управления в свои руки.

Ёсимоти трижды отказался принять китайских послов и не разрешил им проследовать в столицу Киото (1411, 1417 и 1419 гг.). В «Дзэнрин кокухоки» («Записи о драгоценных для страны добрососедских отношениях», 1470 г.) сохранилось два письма Ёсимоти 1419 г.³, по всей вероятности, в адрес китайских послов, прибывших в Японию в 11-й луне 1418 г. В них он объясняет причины своего отказа от официальных связей с Мин. В одном из них, в частности, говорится:

«...Когда мой покойный отец заболел, гадатель сказал: «Это проклятье богов». Поэтому, не жалея сил, возносили искренние моления. И на этот раз чудодейственные боги сказали: «Испокон веков наша страна никогда не признавала себя вассалом другой страны. В последнее время вы изменили установления прежних совершенномудрых правителей – приняли календарь, приняли печать, не отклонив их. Именно этим вы навлекли на себя болезнь». И тогда мой покойный отец очень испугался и поклялся светлым богам отныне и впредь не принимать посольств и рескриптов зарубежных стран.

[...] Если я не принимаю послов и не посылаю ни единого человека, то не оттого, что отказываюсь подчиниться, дерзко уповаю на труднодоступность [нашей страны]. Я поступаю так, следуя воле светлых богов в соответствии с повелением покойного отца.

Прежде, когда миллионный флот Юань приплыл во второй раз [т.е. в 1281 г. – *Е.С.*], все войско, не добившись успеха, утонуло в море. В чем причина этого? Мы оборонялись не только силами людей, в действительности, небесное воинство тайно помогало нам.

---

³ Полный перевод переписки за правления сёгунов Ёсимицу и Ёсимоти см.: [Сахарова 2020; Сахарова 2023].

Те, до кого весть об этом дошла издалека, непременно сочтут это невероятным. Но как можем мы не утрашиться – [ведь] души богов издревле являли себя в нашей стране! Об этом подробно говорится в наших официальных хрониках» (Свиток 2. Документ 15) [Zenrin 2008, p.141–145].

Таким образом, Ёсимоти ссылается на волю богов и их гнев (проклятье) за то, что Ёсимицу признал себя вассалом Мин, получил титул «вана» и другие символы признания сюзеренитета Китая и назвал себя «подданным» Мин. Он также указывает на то, что и сам Ёсимицу, разумеется, в соответствии с волей богов, в итоге отказался от контактов с Мин. Едва ли это соответствует действительности – Ёсимицу приложил немалые усилия для восстановления связей с Китаем, в том числе приняв меры по усмирению японских пиратов. Кроме того, как уже говорилось выше, восстановление официальных отношений (а без них не была возможна и столь желанная и выгодная торговля) было возможно лишь при включении в данническую систему, подразумевавшую признание, пусть и чисто номинально, сюзеренитета Китая. В целом для внешней политики Ёсимоти характерен резкий разрыв с курсом, проводимым Ёсимицу. Фактически Ёсимоти критикует своего отца за то, в какой форме были восстановлены японо-китайские отношения, и в этом он не был одинок. Подобная критика за принятие титула «вана» звучала уже при жизни Ёсимицу, особенно в придворных кругах, и не утратила актуальности даже спустя несколько поколений. Так, составитель «Дзэнрин...» Дзукэй Сюхо (1391–1473) после помещенного в сборнике письма Ёсимицу от 1403 г., в котором он впервые именуется себя ваном и подданным императора Мин, вынужден был дать развернутый комментарий о недопустимости для сёгуна называть себя ваном и подданным другой страны. Более того, он также писал:

«Вообще дружеские отношения, поддерживаемые нашими двумя странами, не должны определяться ушедшими от мира (то есть, дзэнскими монахами. – *Е.С.*). Составление послания следует поручить императорскому двору и в том случае, если это послание от вана страны. Может ли [кто-либо] говорить от имени [двора]?!» [Zenrin 2008, p. 113– 117].

И это несмотря на то, что сам Дзукэй составил черновой вариант послания в адрес императора Мин в 1465 г., а практика составления посланий в Мин и в Чосон высокообразованными дзэнскими монахами в период Муромати была совершенно обычным делом. Тем не менее, утрата императорским двором контроля за внешними связями и дипломатической перепиской по-прежнему мыслилась как явление временное и подлежащее исправлению.

Третий период, 1432–1549

При следующем сёгуне Ёсинори (сёгун в 1429–1441 гг.) отношения с Мин были восстановлены. Инициатива исходила от китайского императора Сюань-цзуна (1425–1435), проводившего миролюбивую политику и, в частности, желавшего восстановления добрососедских отношений с Японией. В 1426–1427 гг. Сюань-цзан в одностороннем порядке увеличил число японских кораблей, которым разрешалось прибывать раз в десять лет, с двух до трех, а количество членов посольской миссии с 200 до 300 человек. В 1432 г. Сюань-цзан отправил своего посла на Рюкю с рескриптом, в котором предлагал японской стороне восстановить отношения; по его просьбе власти Рюкю передали рескрипт японской стороне. Уже в 1433 г. послание было получено сёгуном, и в том же 1433 г. японское посольство на

трех кораблях (они были отправлены на средства бакуфу, храма Сёкокудзи, и группы даймё), возглавляемое дзэнским монахом китайского происхождения Рюсицу Доэном, прибыло в Мин. С этого времени и далее в отправке посольств принимало участие не только бакуфу, но и крупные храмы, святилища, даймё и придворные аристократы, а позднее и торговцы Хаката и Сакаи.

Посольство было радушно принято, японцам были дарованы лицензии, позволявшие вести торговлю. В 1434 г. японское посольство и сопровождавшие их китайские послы прибыли в Японию и были тепло приняты бакуфу и самим сёгуном. Следуя прецеденту, Ёсинори встречал послов в Хёго (совр. Кобэ), как и Ёсимицу в 1402 г. Но позже в бакуфу состоялась дискуссия по протоколу приема послов. Так, императорскому рескрипту Ёсинори кланялся только дважды и стоя (Ёсимицу кланялся трижды и сидя на коленях); Ёсимицу встречал послов у главных ворот, Ёсинори – у внутренних ворот. В Киото послов разместили в храме Тёфукудзи, для них устраивались пиры, представления саругаку, сёгун лично навещал их.

В 1435 г. по случаю смерти Сюань-цзуна бакуфу назначило посольство с соболезнованиями. Оно приплыло на 6 кораблях (их снарядили бакуфу и крупные храмы). В 1436 г. посольство получило новые лицензии, неиспользованные старые были сданы.

Таким образом, отношения с Мин были восстановлены, но критика, столь явно поддержанная Ёсимоти, не прошла даром, в дальнейшем сёгуны избегали называть себя «ванами», лишь для трех сёгунов – Ёсимицу, Ёсимоти и Ёсинори – имеются сведения о проведении китайского церемониала пожалования титула «вана». Учитывая отсутствие таких сведений о других сёгунах, предполагается, что в дальнейшем, возможно, такие формальности не соблюдались, и титул «ван» жаловался автоматически при вступлении в должность нового сёгуна. Внутри самой Японии титул «ван» не использовался, в официальных случаях в ходу был титул «сэйи тайсёгун». В неофициальных – сёгуна именовали «кубо:» (公方) или госё (御所) [Tanaka 1996, p. 69].

Во время краткого правления сёгуна Ёсикацу (1442–1443 гг.) посольства в Мин не отправлялись, но в дальнейшем было отправлено еще девять посольств – в 1453, 1468, 1477, 1484, 1495, 1509, 1511, 1523 (в этом году отправлено 2 посольства), 1539, 1548 гг. Однако японо-китайские отношения по-прежнему не были безоблачными.

Для Мин лицензионная торговля с Японией была важным средством разрешения или хотя бы смягчения проблемы пиратских набегов на южное побережье, ради этого минский двор был готов на экономические издержки – расходы на прием посольств (размещение, пропитание, ответные дары, проведение всех необходимых церемоний и т.д.) были немалыми. Торговля была выгодна японской стороне, но не Китаю. Помимо дани, японские посольства привозили и товары на продажу – их в основном закупало минское государство, но часть могли разрешить к продаже на рынке. Кроме того, товары на продажу привозили и отдельные члены миссии, их также продавали на рынке.

В качестве дани японцы везли в основном лошадей, складные веера и ширмы, чернильницы, серу, агат, копьа, доспехи, мечи. Ответные китайские дары включали – серебро, медную монету, ткани, а также изделия из яшмы, перламутра, бронзы, латуни, предметы интерьера (кресла, подставки для ног, кровати), экзотических животных (попугаи), шкуры животных (тигриные, леопардовые, медвежьи и т.д.).

Из Японии в основном экспортировали серу, медь, ртуть, оружие (мечи, копьа, доспехи), складные веера, лаковые изделия, а также товары из стран «южных морей» (древесина, красители). Из Мин импортировали медную монету, шелк-сырец, шелковые ткани, ткани из хлопка, лекарственные растения, сахар, керамику и фарфор, бронзовые изделия, книги и картины.

Высокий спрос на медную монету был связан с развитием международной торговли, китайская монета стала общепризнанной международной валютой [Wakita 1985, p. 47].

В целом торговля была выгодна японской стороне, считается, что прибыль могла достигать 500%. Известно, что уже на момент отплытия кораблей бакуфу причиталось 5% от общей стоимости товаров, независимо от дальнейшего исхода плавания [Wakita 1985, с. 53]. С ослаблением власти бакуфу во второй половине XV в. сёгуны все чаще стали прибегать к раздаче лицензий также в качестве средства привлечения разных политических сил и выгодного вложения – возможность получить прибыль без рисков; для начала XVI в. известны и случаи, когда бакуфу продавало лицензии разным субъектам (даймё, храмы, святилища) [Hashimoto 2014, p. 64].

В погоне за выгодой японская сторона увеличивала объемы дополнительных товаров, значительную часть которых Мин закупала за счет государственных средств. Такие госзакупки были серьезным бременем для китайского бюджета, поэтому минская сторона снижала закупочные цены и пыталась ввести ограничения на объемы ввозимых товаров. В результате часто возникали конфликтные ситуации.

Так, очень представительное посольство 1453 г. от сёгуна Ёсимаса (1449–1473) – 1200 человек на девяти кораблях (от буддийских храмов и крупных дайме, получивших лицензии от бакуфу) – прибыло в Пекин в 9-й луне 1453 г., а уехало лишь во 2-й луне 1454 г. Дело в том, что при минском дворе отказались платить прежнюю цену за товары. В этот период Мин изнывала от монгольских набегов с севера, в 1449 г. монголы осаждали столицу Пекин и с трудом были остановлены. Так что тогдашний император Дай-цзун (1449–1457) попросту был крайне ограничен в средствах. Японцы были очень недовольны и пригрозили, что не покинут Пекин до тех пор, пока цена не будет назначена в соответствии с прецедентом 1433 г. После долгих переговоров с Ведомством Ритуалов китайская сторона согласилась заплатить цену как в 1435 г. – меньше, чем в 1433, но выше изначально предложенной. Японцы написали докладную, смысл которой сводился к тому, что на родине их казнят за столь невыгодную сделку. В качестве компромисса китайская сторона добавила небольшие денежные выплаты и дары в виде тканей.

В ходе этих длительных переговоров министр ритуалов направил императору докладную, в которой указывал на nepозволительное и высокомерное поведение «ничтожных варваров» и требовал наказать их. Он писал, что по дороге в Пекин японцы разграбили лавку в местечке на территории нынешнего Шаньдуна и до полусмерти избili местного коменданта, пытавшегося их остановить; чинили беспредел в отношении и мирного населения, и военных чинов, нанося побои и т.п. Но император предпочел обойтись без наказания, послам были дарованы торговые лицензии, но были введены ограничения на объем привозимых товаров, а в выданных инструкциях указывалось на необходимость достойного поведения, соблюдения законов и прав собственности [Wang 1953, p. 64–67]. Столь представительное посольство (9 кораблей!) также вызвало неудовольствие китайской стороны, поэтому были введены ограничения – посольство могло прибывать лишь один раз в десять лет, кораблей должно было быть не более трех, на каждом из кораблей – не более 300 человек.

Преппирательства о закупочных ценах и конфликты из-за агрессивного поведения членов японских миссии не были редкостью и в дальнейшем.

Посольство 1468 г. состояло из трех кораблей (направлены от бакуфу и родов Хосокава и Оути). Хотя из Японии корабли отплывали вместе, в Китай они прибыли порознь в разное время. Представители всех трех кораблей (у всех трех имелись лицензии) пытались, не слишком успешно, добиться лучшей цены. Когда корабли бакуфу и Хосокава уже отплыли в обратный путь, представители Оути снова вернулись в Мин и просили возместить утеранные во время шторма дары китайского императора. Полностью дары возмещены не были, но император все же пожаловал шелк и 500 монет.

Известно также, что в 1468 г. один из подчиненных посла от бакуфу, будучи пьяным, нанес раны китайскому торговцу, от которых тот позже скончался. Но наказания не последовало,

хотя министр ритуалов и просил о таковом. Виновных лишь обязали оплатить похороны и выплатить штраф [Wang 1953, p. 69–70].

С этого времени возрастает влияние родов Оути и Хосокава, фактически монополизировавших японо-китайские контакты. Каждый из родов стремился усилить свои позиции. Соперничество между ними дошло до того, что на обратном пути, уже в японских водах, корабль Оути напал на корабль Хосокава, захватив весь груз, а также все торговые лицензии, выданные посольству в 1468 г. императором Сянь-цзуном (1464–1487).

В это время Япония вступает в период «Воюющих провинций» (1467–1573), для которого характерны междоусобные войны и рост насилия. Причем случаи насилия участились не только в самой Японии, но и вовне. Для последующих посольств также фиксируются многочисленные конфликтные ситуации, в том числе побои и убийства.

В 1523 г. послы Хосокава и Оути поссорились в порту Нинбо и устроили резню – был убит заместитель посла от рода Хосокава, люди Оути на этом не остановились, сожгли корабль Хосокава и разграбили лавки в Нинбо. С этого времени японских послов в Пекин стал сопровождать китайский конвой, число членов посольства, которым разрешалось проследовать в столицу, также было сокращено. Позднее и в порт Нинбо японские корабли заходили и выходили под конвоем китайских кораблей. Тем не менее, после этого инцидента роду Оути удалось монополизировать японо-китайские торговые отношения.

Последнее посольство на четырех кораблях Оути приплыло в Мин в 1549 г., но было встречено довольно холодно: в ответ на запрос о выдаче лицензий минский двор, зная о политической нестабильности на Японском архипелаге, выдал лишь одну лицензию, хотя обычно их выдавалось 100 [Wang 1953, p. 80]. Могущество рода Оути было уже на излете, в 1550-е годы род фактически был уничтожен конкурентами, и это посольство стало последним в череде официальных посольств с торговыми лицензиями, полученными от минского двора. Хотя попытки продолжения официальных контактов с Мин предпринимались разными силами (род Оути, торговцы из Сакаи), они не увенчались успехом.

В рамках лицензионной торговли с Мин в период с 1404 по 1547 г. из Японии было отправлено 17 посольств. Всего из Японии в Мин за период с 1401 по 1549 г. было отправлено 19 посольств. Из Мин за период с 1402 по 1434 г. было отправлено в Японию 8 посольств (3 из них не были приняты сёгуном Ёсимоти).

При сёгунах Ёсимицу и Ёсимоти корабли в Мин отправлялись за счет бакуфу и от имени бакуфу, но с момента повторного восстановления официальных контактов при Ёсинори к торговле были допущены также крупные даймё, храмы и святилища, хотя распределением лицензий ведало бакуфу. В XVI в. обостряется соперничество за контроль над японо-китайской торговлей между кланами Хосокава и Оути, в итоге победу одержал последний.

Среди причин прекращения японо-китайских контактов после 1549 г. можно выделить следующие: ужесточение регламентаций с китайской стороны (что вело к уменьшению прибыли), политическую нестабильность в самой Японии, а также начало с 1550-х годов торговли с португальцами, которые привозили товары из Китая и южных стран, заполняя образовавшуюся лауну.

Японо-корейские официальные отношения

Для Кореи, как и для Китая, ключевое значение имела проблема пиратских набегов на южнокорейское побережье. Корейские элиты также стремились поставить торговлю под жесткий контроль государства. Но существовали, разумеется, и отличия.

Во-первых, иной была структура отношений. Если контакты с Мин были монополией бакуфу (хотя во второй половине XV в. контроль бакуфу слабеет, а в XVI в. японо-китайские отношения и вовсе становятся монополией рода Оути), то с Чосон (1392–1910) поддерживали самостоятельные контакты и местные японские феодалы (в первую очередь западные даймё и род Со: с о. Цусима), а бакуфу было лишь одним из торговых партнеров династии Ли. Власти Чосон прекрасно понимали ограниченные возможности бакуфу и потому устанавливали отношения со всеми силами внутри Японии, которые могли быть полезными в борьбе с пиратством.

Во-вторых, с точки зрения японских властей, Корея в дальневосточной иерархии стояла ниже Японии. Обоснованием служили отсылки к древней истории, в частности, к древнекорейскому государству Силла, при японском государе Тэмму (673–686) признавшем (на непродолжительное время) себя вассалом Японии. В связи с этим корейских послов (разумеется, не разделявших воззрений японских властей), редко и неохотно допускали в столицу Киото, и если китайских послов селили обычно в буддийских храмах на территории столицы, то корейских размещали в ее пригородах [Hashimoto 2005, p. 164–170]⁴. По этой же причине, начиная с сёгуна Ёсимоти, сёгуны Асикага избегали именовать себя ванами в переписке с правителями Чосон и подписывались просто «Минамото такой-то» – ведь иначе оказывалось, что Чосон и Япония обладают равным статусом, ведь правители Чосона были «ванами».

В целом японо-корейские отношения были гораздо более интенсивными, чем японо-китайские. В корейских источниках зафиксировано прибытие более 60 посольств от бакуфу за период с 1404–1563 гг. и более 20 посольств, отправленных ванами Корё (918–1392) и Чосон к сёгунам Асикага за период 1366–1590 гг. [Suda 2011, p. 45–48]. И это, не считая многочисленных посольств от западных даймё и рода Со.

Начальный период, 1366–1403 (до восстановления официальных контактов)

Первое корейское посольство (из Корё) прибыло в Японию в 1366 г. в правление Ёсиакира (сёгун с 1358 по 1367 г.). Посол привез письмо от вана Корё с требованием пресечь деятельность пиратов. При императорском дворе дать ответ на полученное послание посчитали невозможным, однако после долгих дискуссий бакуфу посчитало необходимым дать ответ, но в связи с тем, что дипломатическая переписка традиционно считалась прерогативой императорского двора, ответ от имени сёгуна (не сохранился) написал дзэнский монах Сюньоку Мёха (1311–1388), на тот момент занимавший должность настоятеля Тэнрюдзи⁵.

После этого корейские посольства из Корё прибывали в 1375, 1377, 1392 гг., во всех случаях послы требовали пресечь деятельность японских пиратов. В «Дзэнрин кокухоки» сохранилось ответное послание от 1392 г., тоже составленное дзэнским монахом от имени сёгуна Ёсимицу. В нем, в частности, говорится:

«Нашему правителю и его подчиненным поистине стыдно потерпеть крах в деле наставления подданных прибрежных районов. Ныне вновь повелеваем нашему вассалу, [главе управления] по Умирению Запада, подавить пиратские корабли и освободить плененных [пиратами]. Непременно следует установить по-настоящему добрососедские

⁴ В отличие от Чосон и Мин, в Японии эпохи Муромати не было специальных зданий для размещения послов, обычно посольства размещали в буддийских храмах.

⁵ Подробнее об этом посольстве см.: [Сахарова 2019].

отношения между нашими странами и навечно заслужить благосклонность великого благодетеля. Однако в нашей стране издревле не случалось, чтобы сёгун, подданный [императора], ведал перепиской с зарубежьем. Поэтому [сёгун] не может лично ответить на полученное послание и поручил мне, монаху, от его имени засвидетельствовать почтение. Это не означает, что сёгун не ценит церемониал. Ныне он шлет своего слугу, монаха Сюина, дабы тот подробно изложил ситуацию. И просит Вас принять во внимание все [эти обстоятельства]. Простите за краткость» (Свиток 1. Завершающий документ. 1392 г.) [Zenrin 2008, p. 103–104].

Таким образом, бакуфу желало установления добрососедских отношений, признавало себя ответственным за действия японских пиратов и разьясняло причины отсутствия официального ответа.

Следующие посольства, уже из государства Чосон, прибывали в 1397 и 1399 гг. Посольство 1397 г. изначально было адресовано Оути Ёсихиро (1356–1399), однако стараниями Ёсихиро корейский посол был допущен в Киото, где встречался с Ёсимицу. В «Дзэнрин...» имеется документ-инструкция 1398 г. в адрес главы рода Оути – Оути Ёсихиро в связи с прибытием в 1397 г. послов из Кореи, в нем Ёсихиро предписывается:

«Недавно ничтожные людишки, не подчиняющиеся [управлению] Кюсю, были наказаны за свои злодеяния. Теперь следует отправить войска и полностью уничтожить оставшихся на островах пиратов, это позволит восстановить морское судоходство и установить взаимовыгодные для наших стран отношения. Вы должны приложить для этого все свои силы. Что до печатного издания буддийского канона, то ныне в нашей стране крайне затруднительно осуществить его издание, у нас до сих пор нет полного собрания канона. Между тем недавно вышедшее в стране [Чосон] ксилографическое издание – превосходного качества. Поэтому непременно следует запросить издание канона [...]

Нельзя ли погрузить на корабли и привезти [в Японию] большие бронзовые колокола и превосходные лекарства? Ритуальная утварь положит конец мучениям в загробном мире и поможет людям переправиться в земли человеколюбия и долголетия, все это [можно обрести] благодаря дарам из их страны» (Свиток 2. Документ 1. 1398 г.) [Zenrin 2008, p. 107–109].

В следующем 1399 г., согласно корейским источникам, в Чосон приплыло посольство от сёгуна Ёсимицу. В том же году из Чосон в Японию было отправлено ответное посольство.

Таким образом, на этом этапе сёгуны демонстрировали готовность разобраться с пиратами и установить контакты с Чосон, но еще не считали себя вправе ведать перепиской с другими странами (с Корё, а затем Чосон). Кроме того, в документе 1398 г. обозначены статьи желанного властями импорта из Чосон – ксилографическое издание буддийского канона и буддийская ритуальная утварь⁶. В дальнейшем это будут важнейшие статьи импорта.

Восстановление официальных отношений

Официальные контакты с Чосон были восстановлены при 3-м сёгуне Ёсимицу в 1404 г., т.е. уже после получения им титула «ван». С этого времени Ёсимицу отправлял послания в Чосон от имени вана страны Японии. Поскольку корейские короли также получили от Мин такой же

---

⁶ Подробнее о роли буддийского канона в контексте японо-корейских отношений периода Муромати см. [Сахарова 2022].

титул, формально японские сёгуны и чосонские правители были равны. В реальности, однако, обе стороны считали себя выше по статусу, но корейские власти проявляли гораздо большую гибкость при решении практических задач.

Правитель о. Цусимы, расположенного всего в 50 км от Кореи, Со Ёрисигэ, установил дружеские и торговые отношения с Чосон уже в 1397 г. Остров Цусима был известен как логово пиратов, здешние земли были почти непригодны для земледелия (87% острова занимают горы и леса), жители выживали за счет рыболовства, торговли и пиратства. Плывшие в Корею корабли непременно останавливались на Цусиме. В результате остров и его правящий род занимали особое отношение в структуре японо-корейских связей, со временем род Со монополизировал японо-корейскую торговлю.

С восстановлением японо-корейских официальных отношений в Чосон во множестве стали прибывать японские корабли с торговыми целями. Японская сторона особенно охотно импортировала текстиль (хлопок, а также шелковую чесучу, пеньку), буддийские сутры и буддийскую ритуальную утварь. Также японцы ценили тигровые и леопардовые шкуры, корейские циновки, женьшень, мед. Однако структура импорта Цусимы была иной: этот бедный остров импортировал из Кореи продукты питания – рис и бобовые. Как и в Китай, из Японии поставлялись медь, сера, а также мечи и складные веера.

На правление сёгуна Ёсимоти приходится не только разрыв японо-китайских отношений, но и серьезный кризис в японо-корейских. Речь идет вторжении годов Оэй (1419 г.), которому предшествовал набег цусимских пиратов на Корейское побережье. Ван Чосон Седжон (1418–1450) отдал приказ о карательной экспедиции: флот состоял из 227 кораблей, войска насчитывали более 17 тыс. человек. Экспедиция была успешной и на время набега почти прекратились. Вероятно, одним из факторов, подтолкнувших корейские власти к столь серьезному военному вмешательству, был разрыв отношений Японии с Мин, о чем в Чосон, конечно же, было известно.

Но японо-корейские отношения были быстро восстановлены. В том же 1419 г. в Чосон прибыло посольство от Ёсимоти, который настаивал на том, чтобы его не называли «ваном», в письмах в Чосон он стал подписываться просто «страна Япония, Минамото такой-то». Так же подписывались и последующие сёгуны Асикага, а вслед за ними и сёгуны Токугава. Одним из последствий вторжения на Цусиму стало усиление ограничений со стороны Чосон. Поскольку в силу общепринятых тогда на Дальнем Востоке норм, принимающая сторона несла расходы за размещение послов, за их путешествие до столицы Ханъян (совр. Сеул) и т.д., а торговля была выгодна прежде всего японской стороне, поток японских посольств был тяжким бременем. Поэтому после вторжения на Цусиму Чосон вводит ограничения на размер и количество кораблей для разных представителей Японии, ограничивает торговлю портами Пусан и Нэипхо (в 1426 г. к ним добавился также порт Ёмпхо), а также вводит систему удостоверений, которые должны были иметься у приплывавших из Японии.

На Кюсю проверкой таких удостоверений должен был ведать глава Кюсю (Кюсю-тандай), на Цусиме – правящий род Со. В скором времени, однако, контроль за удостоверениями перешел в единоличное ведение рода Со. В дальнейшем система удостоверений и других ограничений менялась и совершенствовалась с той же целью – уменьшить поток японских кораблей. Так, в 1460 г. было решено, что послов от вана Японии, от Оути и других крупных родов следует принимать, когда бы они ни приплыли, а для остальных вводятся ограничения – для Цусимы не более 50 кораблей в год, а для менее влиятельных акторов – не более двух кораблей в год. При этом прибывшие должны были иметь при себе пожалованную Чосон медную печать (圖書, яп. *тоцё*), выдававшуюся на одно поколение, своеобразный аналог минских лицензий. С 1474 г. была введена новая система печатей из бивня слона (牙符制, яп. *гафусэй*). Такие печати разрезались пополам и сличались корейскими чиновниками по прибытии кораблей. Десять таких печатей были пожалованы сёгуну Ёсимаса [Suda 2011, p. 34–36]. Такая система

была введена в ответ на появление начиная с 1470-х гг. самозванных посольств (от рода Оути, от ванов вымышленных стран, вана Рюкю и даже от вана Японии) [Hashimoto 2012, p. 23–30]. Но и эту систему пытались обойти. На сегодняшний день обнаружено довольно много поддельных печатей: 7 подделок только для печатей рода Со, а также подделки печатей Оути и даже сёгуна [Suda 2011, с. 36].

В 1510 г. японо-корейские торговые отношения были разорваны. В открытых для торговли трех портах проживали японцы, их число, как и аппетиты, росли, к тому же японские резиденты были вовлечены в контрабандную торговлю. Корейский король Чунджон (1506–1544) распорядился усилить ограничения деятельности японцев, в ответ японские резиденты подняли восстание против корейских властей. В результате власти собрали всех японских резидентов и отправили на Цусиму, разорвав торговые отношения. Уже в 1512 г. роду Со удалось добиться восстановления торговых отношений, но объемы разрешенной торговли были урезаны вдвое.

К 1440-м годам основной статьей импорта из Чосон стал хлопок, но впоследствии хлопок стал все шире культивироваться в самой Японии. Вместе с ужесточением разрешенной торговли это вело к снижению значения японо-корейской торговли в целом.

Среди задач Чосон первоочередными были установление мирных добрососедских связей и решение проблемы пиратства, наносившей стране огромный вред. Подход корейских властей был очень гибким. Отношения поддерживались не только с сёгунами, но и с крупными дайме и влиятельными аристократическими родами (при этом важнейшим партнером был род Оути), а также с правителями Цусимы (род Со). В Чосон были разработаны регламентации и церемониал приема посольств, выстроенные по иерархическому принципу: 1. сёгуны; 2. крупные дайме и аристократические роды (важнейший партнер – род Оути); 3. более мелкие роды (на первом месте в этой категории стоял род Со).

Помимо сёгунов, самыми влиятельными силами в японо-корейских отношениях были роды Оути и Со, оказывавшие также посреднические услуги (контроль за лицензиями, осуществлявшийся родом Со, помощь в осуществлении дипломатических контактов, конвоирование корейских послов в японских водах – во Внутреннем Японском море – с целью избежать пиратских нападений).

Дипломатия и торговля были не единственными методами разрешения проблемы пиратства. Применялась и военная сила (карательная экспедиция 1419 г.), и попытки ассимиляции японских пиратов. Для западных дайме с Кюсю и западной оконечности о. Хонсю, а также для Цусимы торговля с Чосон имела огромное значение, для Чосон – торговля была меньшим злом, по сравнению с пиратскими набегами и дорогостоящими военными операциями, но не приносила экономической выгоды. Самые тесные контакты с Чосон были у правящего рода Цусимы – Со, и в силу географического положения (близость к Корейскому полуострову), и в силу того, что торговля с Чосон имела огромное значение для выживания населения острова.

Трафик посольств, прибывавших в столицу Чосон был очень интенсивным. Многие историки считают, что именно прекрасное знакомство японцев с маршрутом из портов до столицы Ханъяна позволило японским войскам столь стремительно продвигаться по Корейскому полуострову на начальном этапе Корейского похода Хидэёси – дорога была проторенная.

Заключение

Среди основных трудностей восстановления японо-китайских и японо-корейских официальных (а затем и торговых) отношений на начальных этапах можно выделить: политическую раздробленность Японии (противостояние Северного и Южного дворов), утрату

дипломатических навыков японским императорским двором, а также далекие от реальности представления японских элит о месте и статусе Японии на международной арене.

Установление сёгунатом контроля за внешними связями проходило непросто, и даже в последней трети XV в. вмешательство сёгунов и отстранение императорского двора воспринималось многими представителями элиты как явление временное и, по сути своей, неправильное. В то же время сёгунату удалось поставить на службу высокообразованных дзэнских монахов – именно они составляли дипломатические документы на китайском классическом языке, они же в большинстве случаев назначались послами. Именно в эпоху Муромати дзэнским монахом впервые в японской истории был составлен первый крупный памятник («Дзэнрин кокухоки»), полностью посвященный внешним контактам с Китаем и Кореей, сфокусированный, однако, на дипломатической переписке.

Как отмечал Танака Такэо, несмотря на активизацию и расцвет морской торговли в Восточной Азии, торговля оставалась лишь подчиненной частью контактов на официальном уровне и рассматривалась властями всех трех стран как подлежащая контролю и регламентациям на государственном уровне (регламентация количества кораблей и числа членов миссий; система лицензий, введенная Мин, и похожая система печатей в Чосон; установленные порты прибытия, в которых имелись ведомства, ответственные за прием, проверку, размещение прибывших послов и т.д.) [Танака 1977, р.178–179]. Хотя эта система была до определенной степени эффективной, такие ограничения неизбежно приводили к активизации пиратства и контрабанды, и не могли окончательно искоренить этих зол.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Сахарова Е.Б.* «Записи о драгоценных для страны добрососедских отношениях». Документы за период правления сёгунов Асикага Ёсимицу и Асикага Ёсимоти // *История и культура Японии*. Вып. 15. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2023. С. 272–291.
- Сахарова Е.Б.* В поисках священных текстов: печатный буддийский канон в контексте японо-корейских официальных контактов в эпоху Муромати // *Вопросы философии*. 2022. № 11. С. 156–163.
- Сахарова Е.Б.* Посольство из Корё в Японию 1366–1367 гг. // *Ежегодник Японии*. 2019 Т. 48. Москва: АИРО-XXI. 2019. С. 155–174.
- Сахарова Е.Б.* Японо-китайские отношения в 1368–1419 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. № 11 (97).

REFERENCES

- Sakharova, E.B. (2019). Posol'stvo iz Koryo v Yaponiyu 1366–1367 gg. [Mission from Koryō to Japan, 1366–1367]. *Yearbook Japan*, 48, 155–174 (In Russian).
- Sakharova, E.B. (2020). Yapono-kitaiskie otnosheniya v 1368–1419 gg. [Official Relations Between Japan and China, 1368–1419]. *Istoriya*, Vol. 11, Is. 11 (97). Retrieved from <https://history.jes.ru/s207987840012754-8-1/> (In Russian).
- Sakharova, E.B. (2022). V poiskakh svyashchennykh tekstov: pechatnyi buddiiskii kanon v kontekste yaponokoreiskikh ofitsial'nykh kontaktov v epokhu Muromachi [Printed Buddhist Canon in the Context of Japanese-Korean Official Relations during the Muromachi Period]. *Voprosy filosofii*, 11, 156–163. (In Russian).
- Sakharova, E.B. (2023). «Zapisi o dragotsennykh dlya strany dobrososedskikh otnosheniyakh». Dokumenty za period pravleniya segunov Ashikaga Yoshimitsu i Ashikaga Yoshimochi [An Account of Good Neighborly Relations as a Treasure of Our Country (Zenrin Kokuhōki). Official

Diplomatic Correspondence During the Reigns of Shoguns Ashikaga Yoshimitsu and Ashikaga Yoshimochi]. In *Istoriya i kul'tura Yaponii* [History and Culture of Japan], Vol. 15 (pp. 272–291). Moscow. (In Russian).

* * *

- Hashimoto, Yu. (2012). Korea in Muromachi Culture: Cultural Exchange between Japan and Korea and between Ryukyu and Korea. *Acta Asiatica*, 103, 23–52.
- Hashimoto, Yu. (2014). Higashi Ajia sekai-no hendō to Nihon [Changes in Eastern Asia and Japan]. In: *Nihon rekishi* [History of Japan], Vol. 8. Chūsei 3 [Middle Ages 3]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
- Ma, Guang. (2017). Tributary Ceremony and National Security: A Reassessment of Wokou Diplomacy between China and Japan During Early Ming Dynasty. *Journal of Asian History*, 51 (1), 27–54.
- Murai, S. (1991). *Ajia-no naka tyūsei Nihon* [Medieval Japan's Place in Asia]. Tokyo. (In Japanese).
- Suda, M. (2011). *Chūsei Nichi-chō kankei to Ouchi-shi* [The Roles of the Ouchis in Japan-Korea Politico-Cultural Relations During the Medieval Ages]. Tokyo: University of Tokyo Press. (In Japanese).
- Tanaka, T. (1977). Japan's Relations with Overseas Countries. In Hall, Jonh W. and Toyoda, Takeshi (Eds.), *Japan in Muromachi Age*. Berkley, Los Angeles, London.
- Tanaka, T. (1996). *Higashi Ajia tsūkōken to kokusai ninshiki* [East Asian Area of Interaction and International Perceptions]. Tokyo. (In Japanese).
- Tanaka, T. (1997). *Zenkindai-no kokusai kōryū to gaikō bunshō* [International Relations and Pre-Modern Diplomatic Documentation]. Tokyo. (In Japanese).
- Wakita, H. (2007). *Muromachi jidai* [Muromachi Period]. Tokyo: Chukoshinsho. (In Japanese).
- Wang, Y. (1953). *Official Relations Between China and Japan 1368–1549*. Cambridge, Massachusetts.
- Zenrin kokuhōki. (2008). *Zenrin kokuhōki. Shintei Zokuzenrin kokuhōki*. Ed. by Tanaka Takeo. Tokyo: Shūeisha. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 08.07.2023

Received: 08 July 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023